

рактизовалъ поляковъ, какъ онъ въ предисловіи къ этой книгѣ, и никто такъ рельефно и доказательно не представилъ всей политической и исторической близорукости и безтактности поляковъ!..

Но, восхищаясь Костомаровымъ, какъ историкомъ-художникомъ и полонофобомъ, Кавелинъ обвинялъ его въ историческихъ пристрастіяхъ и въ неустойчивости историческихъ воззрѣній. Онъ нападалъ на Костомарова за преувеличеніе имъ роли народной массы въ исторіи, за предвзятое отношеніе къ историческимъ источникамъ вообще и къ произведеніямъ народной поэзіи въ частности, за излишнее восхваленіе начала вѣчевого (о чемъ было уже упомянуто выше подробнѣе), за непониманіе историческаго призванія великорусскаго племени, значенія московскаго единогодержавія и преобразовательной дѣятельности Петра Великаго.

— Никогда не забуду, — рассказывалъ Кавелинъ, — какъ мы шли вмѣстѣ съ Костомаровымъ съ его публичной лекціи о Выговскомъ. Это было въ началѣ 1861 года. У насъ возникъ споръ о Выговскомъ, причемъ я не соглашался съ выводами Костомарова. И что же ты думаешь? Онъ не только не возражалъ мнѣ по существу, но прямо призналъ многія изъ моихъ замѣчаній совершенно вѣрными. И это послѣ долгихъ лѣтъ изученія малорусской исторіи, которой я никогда не занимался, и по поводу моихъ мыслей, пришедшихъ мнѣ въ голову на его же лекціи и на основаніи имъ же сообщенныхъ фактовъ! Я рѣшительно понять не могу такого отношенія къ дѣлу, такого отсутствія твердыхъ историческихъ убѣжденій!..

Костомаровъ ни слова не говорилъ мнѣ о своихъ личныхъ отношеніяхъ къ Кавелину, зная мое близкое родство съ нимъ, но часто спрашивалъ о немъ и выражалъ сожалѣніе, что Кавелинъ оставилъ занятія русской исторіей. Его историческія воззрѣнія Костомаровъ цѣнилъ, и когда я велъ съ Николаемъ Ивановичемъ долгія бесѣды по поводу моей магистерской диссертациі, онъ меня спрашивалъ неоднократно:

— А говорили вы объ этомъ съ Кавелинымъ? — Что онъ вамъ совѣтуетъ? — Онъ какого мнѣнія?

Костомаровъ, враждебно относившійся къ полякамъ, очень интересовался воззрѣніями Кавелина на польскія дѣла. Въ 1867 г. уже заходила рѣчь объ открытіи въ Варшавѣ русскаго университета.

— Кавелинъ, — вотъ кто болѣе всѣхъ другихъ извѣстныхъ ученыхъ можетъ достойно занять кафедру русской исторіи въ Варшавѣ, — говорилъ мнѣ Костомаровъ. — Имя его популярно и у